

Время собирать...

Пожалуй, именно оно и наступило для Бориса Рябухина. Вслед за знаменательной книгой прозы «Уроки матери», где автор с исчерпывающей, просто истовой полнотой воздал должное своей родословной, вышло вполне избранное собрание его любовной лирики «Любовиада». Название, конечно, обязывающее. Ведь книгу о своей любви автор никого не заставляет, подобно классике, чтить, но сам-то своё и для себя именно чтить обязан, иначе зачем и бумагу марать, не так ли? Вот эту авторскую взыскательность к собственной любовной истории прежде всего и нельзя не оценить. Тем более что вполне осознанно и даже методично автор поверяет интимные переживания именно по гамбургскому счёту, а отнюдь не по модному ныне «гамбургерскому».

Сами посудите: чуть ли не каждое второе стихотворение по форме, жанру, традиции или посвящению прямо указывает, что автор именно к Копернику ревнует, а не к мужу Марь Ивановны... Так что больше всего будут разочарованы этой книгой поэта нынешние любители трансгенной клубнички, пышным цветом произрастающей ныне на страницах, подмостках и экранах. Потому что даже самые откровенные строчки «Любовиады» не в постели путаются, а совестью поверяются.

Особенно это явствует из открывающих книгу последних сегодняшних произведений, где в меру выстраданного масштаба душевного и духовного любовь уже либо соразмерна миру, либо не существует вовсе: «Ум, красоту, любви манящий дар — / Что выбрать в украшение любимой, / Когда едва созревший дух незримый / Влечёт тебя в её волшебный жар?» И как же может быть иначе, если, по Маяковскому, поэт «не живёт без идей» в нынешней тревожной, смутной действительности «болотных» шабашей и «поклонных» демаршей? «На Болотной площади / Ещё много плах, / Головы по очереди /

Стынут на колах...»; «Нарисовал художник кистью жёсткой / И рябь любви минувшей на ветру... / Несёт мосты, и парк, и зыбь московскую — / На дно души, как в чёрную дыру...»

Потому и парижские впечатления никак не укладываются в привычные стансы сытого путешественника. Хотя и надлежащая дань традиции отдаётся русским сердцем, по Достоевскому и Гоголю — преданным камням западной цивилизации, но кто же их разбудит к жизни высшей, если не русский поэт? «Но утро разума забьёт опять в литавры, / Окаменеет на карнизах стон картавый, / И Сыну вымолит бессмертье Мать у Бога, / Животворящим сделает крестом любого...» Но хоть именно с Запада вся эта нетрадиционная гниль к нам полезла, строже всего за предательство здравых человеческих ценностей со своих надо спрашивать.

Однако и не заказано противиться этой силе разложения тому, кто ещё не потерял связи если не с Богом, то хотя бы с природой: «Дождём оплакав после гнева, / Взбив облако на голове, / Любовников глазами в небо / Ты распластаеть на траве, / Чтоб мог увидеть Всемогущий / Засыпанных землёй цветущей...»

И собственным примером автор убедительно свидетельствует, что при всех превратностях судьбы верность своим природным и духовным корням сохраняет и душу, и способность любить наперекор и возрасту, и самой смерти: «Почему и ношу свою родину в сердце по свету, / Перелётные годы, весенней порой налегке / Возвращайтесь ко мне издалёка по вещему следу / Так, как волны с истока до устья летят по реке».

Вот таким образом с первых же страниц поднимая уровень разговора об интимном как частном случае всеобщего, автор уже вполне органично может говорить о любви в категориях самых высоких, когда уже и Бог отнюдь не всуе помянут: «„Новый дам Завет — любить друг друга“, — / Нам предписано с библейских пор, / Мы ж „за око — око“ чтим науку, / Варварский естественный отбор». Не щадит себя поэт и в самых болезненных чувствах личной судьбы. На первый взгляд даже кажется, что не очень и по теме горькое воспоминание о безотцовщине. Но именно преодолением детской обиды даётся тот душевный урок, который позволяет если не поправить, то понять, и если не для себя, то для других оставить спасительный опыт преодоления: «Семью и дом я не построил, / Хотел, да строить не умел, / И дело не в судьбе, не в строе, / А не было отца в пример». Отсюда, из верного выстраданного опыта, и особая взыскательность в

любви, которая только и может предостеречь от запоздалых покаяний: «И, страстью тело веселя, / Мы смяли вдруг любовь Свя-
тую, / Нас тут же сбросила Земля / И завертелась вхолостую...»

Впрочем, есть в книге и гораздо более убедительные строки, в которых раскрывается недюжинное эпическое дарование — крохотный по размерам, но весьма ёмкий по содержанию сказ «Оля»: «Я купил сегодня краски. / Разведу их на меду, / Нарисую мир прекрасный / Красоваться на виду. / Вот село под небом мая / По названию Оля / И под солнцем золотая / От пылини степь-земля...» Не правда ли, такой непринуждённо народный слог и Твардовскому был бы под стать? И здесь, в книге о любви, он как нельзя кстати, потому что без такой естественной, по-
длинно народной поэтической почвы какая может быть любовь у русского человека? Разве что нынешняя вавилонская: «Кто заполнил проспекты и пажити, / Строит новый нам Вавилон? / Или орды по старой памяти / К нам вернулись с былых сторон?»

Собственно, подобными неутешительными наблюдениями текущих дней и обрывается собрание новых творений автора. Дальнейшие циклы книги — «Птица Сири́н» и «Силы ве-
сенние» — уже воспоминание о тех не менее противоречивых, но всё же более ранних и потому вполне позитивных впечатлениях любовной истории. Когда ещё легко было творить, «А не быть, не стыть, не выть, / Словно в поле ветер, / Всем воздать, всех победить, / Всех простить на свете...» Но уже тревога-то гложет: «Неужто впереди один-два взлёта / Да несколько шагов до поворота / В бездонную сырую темноту? / А ты ещё в беспечных снах летаешь, / И свежесть жизни с жадностью глотаешь, / И грозы отметаешь на лету».

Впрочем, уже выношено и выстрадано пусть менее эффектное, зато естественное убеждение в самоценности собственной судьбы, собственной любви: «И на мне всё реже в искреннем молчанье / Замедляется зовущий женский взгляд... / И не надо, хватит роскоши заката, / Где взрослелось-расцвело для плодов. / Только в деле, только в детях — вся отрада, / В Спасе Яблочном из собственных садов...»

Видимо, эту мудрость и следует считать итогом странствий автора по его «Любовиаде», собранной из некогда беспечно разбросанных по жизни страстей и вожделений, разочарований и надежд. А дополняющие книгу драматическая поэма «Сергей Грезин» и переводы из доброго десятка некогда братских советских и европейских поэтов — словно то

порой драматическое, а ежедневно трудовое бытие, которым и успокаивается сердце литератора при всех поворотах судьбы. Таким глубоко осмысленным итогом и завершается это странствие автора по городам и весям, волнам и штормам его судьбы, его любви, его зрелого собирания камней житейского опыта, которые ему удаётся своей творческой волей обратить из мёртвых минералов в живые яблоки Спаса. Становится очевидным, что и само на первый взгляд слишком претенциозное название книги отнюдь не подражательством или стремлением превзойти классиков продиктовано. Дело именно в том, что пути любви тем и хороши, что неисповедимы, словно Господни, и воздают только тем, кто шёл бездорожьем, торя свою дорогу. Вот и Борису Рябухину это удалось, с чем можно поздравить и его самого, и читателей его новой книги...

*Игорь СЕМИРЕЧЕНСКИЙ,
член Союза журналистов, член-корреспондент
Международной академии информатизации, Москва*